

## «Культур безъязычных нет», или Об актуальности методологической стратегии П. М. Бицилли\*

*И. О. Щедрина*

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,  
Российская Федерация, 101000, Москва, Мясницкая ул., 20

**Для цитирования:** *Щедрина И. О.* «Культур безъязычных нет», или Об актуальности методологической стратегии П. М. Бицилли // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 3. С. 564–571. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.312>

Интеллектуальное наследие мыслителей русского зарубежья сегодня все более привлекает внимание исследователей русской философии первой половины XX в. Хотя иногда можно услышать, что речь идет о философах как бы «второго плана», поскольку мыслители уровня Бердяева, Шестова, Степуна уже достаточно полно и всесторонне представлены в соответствующей литературе. Автор статьи полагает, что недостаточно ограничиваться только историко-философским академическим интересом при обращении к творчеству философов этой эпохи. С большим вниманием, широтой — а подчас и заново — к идеям мыслителей русского зарубежья нас заставляет обратиться изменяющаяся социально-духовная ситуация современности. Процессы глобализации, контакты культур и цивилизаций делают их наследие чрезвычайно актуальным сегодня. Яркий пример тому — научное творчество П. М. Бицилли. Автор опирается на ряд работ историка и философа, и в частности на его статью «Нация и язык». Кроме того, в предлагаемой статье раскрывается еще один специфический ракурс методологической стратегии Бицилли — интердисциплинарный характер его исследований: проводится мысль о том, что именно широта интеллектуального кругозора, а также глубокие познания в области философии, истории и лингвистики выделяют фигуру ученого. Его работы обретают особую семантическую полноту в настоящее время, когда темы нации, языка, культуры, а также их соотношение получают новые ракурсы в социокультурной динамике. Автор статьи предполагает, что герменевтический и нарративный подходы позволяют этим темам обрести специфические черты в философских трактовках П. М. Бицилли.

*Ключевые слова:* язык, культура, методология, нарратив, герменевтика, Другой, П. Бицилли.

Петр Михайлович Бицилли, как правило, не входит в число наиболее популярных и исследованных представителей культуры русского зарубежья у современных историков, философов и филологов. Однако в последние годы его творчество выходит из небытия [1]. И прежде всего потому, что его труды оказываются поразительно созвучными современным философским и научно-гуманитарным дискуссиям.

---

\* Статья подготовлена в результате проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

Высказанные почти сто лет назад идеи П. М. Бицилли сегодня звучат так, словно он произнес их только что: настолько точно они касаются проблем современной культуры, сообщества и языка. Его анализ феномена языка опирается на определенное понимание культуры, на специфическую ее трактовку и соотношение с обществом, с нацией. Широкий интеллектуальный кругозор позволил ему подойти к историческому материалу с позиций интердисциплинарности, что дает возможность подчеркнуть и сегодняшнюю актуальность поднимаемых тем и вопросов.

Одна из ключевых тем Бицилли — роль языка, роль общения, межнационального и межкультурного, фактически — культурно-историческая роль языка. И в данном случае хотелось бы сосредоточить внимание не на его конкретных рассуждениях на актуальную политическую тематику того времени, а на его методологическом подходе. Такое отношение к интеллектуальному наследию, к идеям Бицилли открывает для нас горизонты исследования нынешней ситуации. Чтобы осветить методологическую специфику подхода Бицилли к языку и культуре, остановимся на одной из его многочисленных работ, посвященных указанной проблематике. Это статья «Нация и язык», опубликованная в 1929 г. в «Современных записках»<sup>1</sup>. Бицилли рассматривает язык как культурный феномен во всех его проявлениях и на совершенно разных уровнях (в статье анализируются политический, социальный, исторический ракурсы); в то же время можно говорить об особом акценте, поставленном на связности. Это связность национальная, культурная, та самая внутренняя смысловая связность языка, которая образует культуру, и, напротив, внутренняя смысловая связность культуры, которая поддерживает язык. В своих рассуждениях П. М. Бицилли исходит из особой позиции: язык для него — это не просто набор слов и правил, но то, что в самой сути своей несет последовательное изложение, то, что позволяет выразить и донести до Другого смысл. Сходную методологическую позицию можно обнаружить у другого нашего соотечественника: Г. Г. Шпет в своих работах подчеркивал, что когда мы создаем текст или культурный артефакт (картину, статую), то ключевым оказывается словесное выражение. Говоря о слове, он подразумевал и «отдельное слово» (т. е. слово как «некоторую последнюю, далее неразложимую, часть языка, элемент речи» [4, с. 569]), — и его внутреннюю форму. Словесные единицы приобретают смысл и собственную действительность в изложении. «Слово — пластично, музыкально, живописно — это имеет смысл, когда все эти предикаты — к субъекту действительности. Это — философский язык. Пластика, музыка, живопись — словесны. Такова — внешность их; через словесность, присущую им, они действительны» [5, с. 197] (также подробнее см.: [6]).

И в данном случае можно отметить не только интеллектуальное созвучие Г. Г. Шпета и П. М. Бицилли, но также тематическую близость их работ с идеями философов XX в., где так или иначе проступало обращение к языку и нарративу. Говоря об отношении Бицилли к языку, можно отметить, что его взгляды соотносятся и с нарративным, и с герменевтическим подходами сегодня, когда возможность выразить культуру символически создает в этом выражении новые пласты, поддерживая в то же время прежние нарративы. Такое самовоспроизведение культу-

---

<sup>1</sup> Сами «Современные записки» как специфический культурно-исторический феномен в философском сообществе того времени сейчас также становятся предметом исследований (см. об этом подробнее: [2; 3]).

ры в языке и одновременно ее изменчивость (а также вопрос ее неизменности) — предмет давних исследований Бицилли: «Одним из важных конкретных условий, питавших средневековую веру в неизменяемость культуры вообще, а языка в частности, была как раз медленность течения культурной жизни» [7, с. 192].

Особенности национальной, этнической группы излагаются в выражении ее культуры, в нарративе, языке. Материальные плоды — статуи, картины, даже незначительные предметы быта — обретают голос именно в выражении: в повествовании и в понимании. Фактически именно язык задает культурную реальность нации. Статуя обретает голос, произведение искусства обретает голос, они вместе становятся нарративом — и звучит это только тогда, когда есть кто-то, кто может понять и услышать, кто говорит с автором на одном языке и исходит из их общей реальности и общих смыслов. Для Бицилли символическое в культуре становится основой нации: «“Культура” в своей сущности ведь не что иное, как символическое выражение иначе невыразимого. Культура по существу символична. Разнообразие культур определяется разнообразием символических средств выражения, которые являются естественно иными в соснах Шварцвальда, иными под “ясными, как радость” небесами Тосканы, иными в безбрежных равнинах России» [8, с. 425]. Символизм читается на языке культуры, вот почему Бицилли подчеркивает языковую (и, как следствие, культурную) закрытость подлинников Пушкина, Данте (если не знать языка, которым они написаны). Причем в большей степени речь идет о языке символическом, нежели о наборе слов и правил их комбинаций. Символизм языка, объединяющий сообщество, становится культурой сообщества, и чем внятнее это происходит, тем ярче выделяются национальные черты: «Языком нация держится и живет. Умрет язык, разложится — и нации нет. “Национальный” вопрос есть, поэтому вопрос языка — всегда и прежде всего» [8, с. 407].

В той же работе Бицилли затрагивает еще одну актуальную сегодня тематику: он говорит об опасности рационализации культуры. В сущности, он касается темы глобализации, что поразительно злободневно на фоне происходящих в настоящее время мировых изменений. Рационализация несет в себе угрозу самой культуре, и хотя «*культур безъязычных нет*», есть глобализационные процессы, размывающие границы языков и культур. «Все без исключения сферы культуры поддаются в большей или меньшей степени “рационализации”: кино и радио, железные дороги и почта “нивелируют” человечество, — и только языки остались вне этого общего движения» [8, с. 404], — сейчас мы не можем сказать и этого, язык меняется не меньше, включаясь в процесс размывания наций. Европейские нации Бицилли рассматривает в первую очередь как культурный союз, поскольку в основу кладет язык — греческий, латинский — и соответствующую культуру. И тем антиномичнее это звучит, особенно на фоне нынешних событий — в контексте проблемы глобализации. Носитель языка изначально тянется к Другому — чтобы сказать, чтобы выразить, пусть для этого и происходит размывание границ на нескольких уровнях. «Языковое единство Европы определялось ее культурным единством. Латинский язык старались блюсти в чистоте...» [8, с. 422], и Западная Европа сохранила эти черты единого языка и общей универсальности — определяет Бицилли, и здесь же сталкивается с оборотной стороной этой языковой универсализации, которая приводит к борьбе за национальный язык. Что интересно, Бицилли публикует этот текст в 1929 г. в Париже. И там же буквально три года спустя, в 1932 г., пред-

ставители Французского философского общества подписывают открытое письмо, в котором выступают против «включения греческого языка в список требований, предъявляемых при поступлении на медицинский факультет, а также полагают губительной идею включить греко-латинскую литературу и культуру в список обязательных предметов для всех кандидатов на получение степени бакалавра гуманитарных наук, и в особенности степени по философии» [9, с. 37] (также подробнее об этом см.: [10]). Письмо подписали 24 философа, среди которых Ш. Андлер, Л. Брюнвик, Л. Леви-Брюль, П. Жане, Э. Галеви и др. Это звучало практически эхом к словам Бицилли.

П. М. Бицилли невозможно охарактеризовать только как историка или только как философа или филолога. Его работы, сама его жизнь были буквально пронизаны интердисциплинарностью, и обращение к его идеям с таких позиций придает им особый методологический смысл, который отчетливо проступает сейчас, в контексте современных проблем и новых ракурсов. Бицилли ориентировался на соотнесение разнопланового материала, ставил акценты на смысловых слоях, на феномене понимания (и взаимопонимания) в истории, культуре и языке. Эта методология как раз и подтолкнула его к такому принципу работы с культурой; он понимал ее как сферу общения, где главную культуuroобразующую функцию выполняет именно язык: «Известна роль, сыгранная в Европе в качестве культурного фактора *разговором*» [11, с. 367]. Язык для Бицилли — в первую очередь система знаково-символическая; не просто выражение отдельных слов, наблюдений и пр., но способ выражения этого для Другого, способ повествования, т. е. культура обретает выраженную нарративную форму: «Вне говорящих людей нет языка; стихотворение Пушкина “существует” в собрании сочинений Пушкина лишь “виртуально”; “реально” же только в тот момент, когда я его читаю» [8, с. 407]. Язык как культурный феномен проступает в нарративе; в связном изложении, не в словарях и не в учебниках. Бицилли это ухватывает, выделяя различные диалекты и арго, но в его осмыслении все они по сути своей являются разными частями одного и того же культурного нарратива: «У каждого народа, обладающего классической литературой, имеется общий язык, язык, на котором говорят сколько-нибудь образованные люди, на котором пишутся и печатаются книги. Наряду с этим языком существуют “argots”, говоры; в домашнем языке могут попадаться провинциализмы, архаизмы...» [11, с. 365]. И сложившаяся литература в этом смысле — главное проявление культуры, по Бицилли, повествование есть основной характер культуры [11, с. 366]. Все это в совокупности позволяет увидеть язык как особенную культурную скрепу, как то, про что Бицилли повторит во многих своих текстах: «нет языка — нет нации». Можно говорить о культурах «безындустриальных, безмузыкальных, безгосударственных, но культур безъязычных нет» [8, с. 404], в том числе и потому, что носитель языка и культуры требует отдельной особой ниши. И в этом смысле понимание языка так, как понимал его Бицилли, — своего рода проекция на то, что сегодня называется нарративным подходом. В языке и культуре заложена символическая форма, направленная на обоюдность Другого и Своего же — в рамках конкретного языка и конкретной культуры. Каким бы Другим ни был собеседник, если он принадлежит той же культуре, он говорит с тем, с кем он объединен культурным нарративом. Такое отношение к языку перекликается с мыслями другого «зарубежного коллеги» П. М. Бицилли — В. В. Вейдле. В заметке «Родная чужбина» он под-

черкивал языковую отчужденность от Франции, хотя и признавал, что «стал — на время — французским писателем» именно за счет письма на французском языке. «Могу предъявить даже и официальное свидетельство об этом в виде почетного звания, полученного мной в этом именно качестве. У меня давно уже и паспорт французский, и я с полным удовлетворением себя сознаю лояльным гражданином Франции. Но французом я себя все-таки не ощущаю. По-французски все реже и пишу. Хочу жить в родном языке до конца моих дней» [12, с. 266].

Актуальность рассуждений Бицилли усиливается, когда он различает живой язык — диалекты всех уровней и мертвый — литературный. «И поскольку все классы общества и все области образуют одну нацию и одну страну, никакой иерархии “говоров”, в их отношении к “языку”, нет и быть не может: ключи живой воды бьют повсеместно. Все говоры, как “областные”, так и “классовые” (argot), к которым нужно присоединить и “возрастные” (“детский” язык!), и говоры различных полов (в “женском” языке, в каждом классе, есть свои особенности, отличающие его от “мужского”), — образуют один “потенциальный” национальный язык, обеспечивающий вечную жизнь “мертвому” литературному языку» [8, с. 415]. Разумеется, можно говорить о территориальных языковых различиях, социальных, возрастных и даже гендерных (а ведь это еще одна актуальная мыслительная точка сегодня!) — судьба культуры есть соотношение мертвого и живого языка, поскольку мертвое для Бицилли — застывшее, сохраненное — литературный язык, язык классический. В данном случае можно привести в пример и М. М. Бахтина с его рассуждениями о литературе и языке, фактически об эпистемологическом соотношении литературы и языка в культуре: «Литература не просто использование языка, а его художественное познание (соотносительно научному познанию в лингвистике), образ языка, художественное самоосознание языка» [13, с. 287].

На страницах своих работ Бицилли затрагивает еще одну «болеву точку» современности — вопрос о сохранении национального языка. Амбивалентность этой проблемы состоит в безудержном стремлении народов сохранить язык — и тем самым он выхолащивается до призрака: «В наше время народы возвращают и хотят национальные культуры как символы — собственной народности. Они ведут “борьбу за язык”, они “охраняют” и “очищают” свои языки ради них самих, но вот оказывается, что им — нечего сказать, что им приходится пробавляться “переводами” чужих слов и чужих мыслей. Умножение национальных культур и, следовательно, национальных языков до сих пор не привело к обогащению современной культуры» [8, с. 425]. И язык в данном случае постигает судьба немого инструмента, холеной гитары без струн. Когда «нечего сказать», когда уходит связность, остаются слова, но уходят смыслы; за внешней формой теряется возможность последовательного повествования — и уже нет культуры. Бицилли тонко чувствует этот момент: «Всякое развитие антиномично и, следовательно, трагично. Трагедия современного развития европейских и “европеизируемых” народов состоит в том, что борьба за национальную самобытность и за национальное самоопределение, обращая Nation в самоцель и в самодовлеющую ценность, приводит к национальному обезличению, к смерти Nation и, следовательно, к гибели культуры, ибо “нация” и “культура” — одно» [8, с. 426].

Когда современные исследователи говорят о философах русского зарубежья (и о Бицилли в частности), не случайно звучит и тематика культурного и языкового

сходства между соседними народностями и государствами: «Чем ближе один народ расположен к другому, тем более схожих черт можно обнаружить в их культурах» [14, с. 259]. Хотя Бицилли и подчеркивает, что культура во всех своих проявлениях являлась совокупностью символов невыразимого и непостижимого [8, с. 425], сами эти символы приобретали вполне достаточное выражение на уровне как носителей языка и культуры, так и культур и языков вообще. Приравнивание культуры, нации к языку предполагает связность повествования и, как следствие, понимание Другого и осмысление чужой мысли и чужого слова. В этом смысле методологическая позиция Бицилли приобретает особенно яркое звучание сейчас; этот аспект языка сегодня выявляется в нарративном и герменевтическом подходах. Обращение к этой методологии позволяет обнажить символический пласт языка, а также определить роль этого символического пласта в становлении культуры, нации, этноса, что особенно эффективно в анализе нашей сегодняшней ситуации со всеми ее конфликтами, вопросами и проблемами.

## Литература

1. Галчева, Т. Н. и Голубович, И. В. (2015), «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П. М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции, София: Солнце.
2. Ермичев, А. А. (2012), Философское содержание журналов русского зарубежья (1918–1939 гг.), СПб.: РХГА; Вестник.
3. Млечко, А. В. (2008), «Русский текст» эмиграции в художественном дискурсе журнала «Современные записки» (1920–1940), *Известия ВГПУ*, № 5, с. 137–142.
4. Шпет, Г. Г. (2005), Язык и смысл, в Шпет, Г. Г., *Мысль и Слово. Избранные труды*, М.: РОССПЭН, с. 470–657.
5. Шпет, Г. Г. (2006), Эстетические фрагменты, в Шпет, Г. Г. *Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры*, отв. ред.-сост. Щедрина, Т. Г., М.: РОССПЭН, с. 175–322.
6. Щедрина, Т. Г. (2012), Проблема «выражения» у Бенедетто Кроче, Густава Шпета и Шарля Балли (в контексте культурно-исторического единства научного знания), *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*, № 2, с. 47–51.
7. Бицилли, П. М. (1995), *Элементы средневековой культуры*, СПб.: Мифрил.
8. Бицилли, П. М. (1929), Нация и язык, *Современные записки*, № 40, с. 403–426.
9. Пружинин, Б. И. и Щедрина, Т. Г. (2019), Международный философский конгресс как феномен «Другой глобализации», *Вопросы философии*, № 3, с. 33–39.
10. Lalande, A. (1932), Correspondance relative à une petition contre l'obligation d'étudier le grec en médecine et en licence de philosophie, 2 janvier, *Archives de la Sorbonne*, Fond A. Lalande, ms. 2355.
11. Бицилли, П. М. (2000), *Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии*, сост., вступ. ст., коммент. Васильев, М., М.: Русский путь.
12. Вейдле, В. В. (1977), Родная чужбина, *Новый журнал*, кн. 126, New York, с. 266–272.
13. Бахтин, М. М. (1997), Язык в художественной литературе, в Бахтин, М. М., *Собрание сочинений*, в 7 т., т. 5, М.: Русские словари, 1997, с. 287–297.
14. Пушкин, С. Н. (2013), Евразийские мыслители как носители традиций русской культуры в Европе, в *Русское зарубежье и славянский мир: сборник трудов*, сост. Буняк, П., Белград: Славистичко друштво Србије, с. 257–266.

Статья поступила в редакцию 17 октября 2019 г.;  
рекомендована в печать 2 июля 2020 г.

Контактная информация:

Щедрина Ирина Олеговна — канд. филос. наук, мл. науч. сотр.; echiscar@yandex.ru

# *There are no languageless cultures, or on the relevance of Pyotr Bitsilli's methodological strategy\**

I. O. Shchedrina

National Research University "Higher School of Economics",  
20, ul. Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russian Federation

**For citation:** Shchedrina I. O. *There are no languageless cultures, or on the relevance of Pyotr Bitsilli's methodological strategy*. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2020, vol. 36, issue 3, pp. 564–571. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.312> (In Russian)

The intellectual heritage of thinkers of the Russian abroad today is increasingly attracting the attention of researchers of Russian philosophy of the first half of the 20<sup>th</sup> century. Although the author clarifies, one can sometimes hear that we are talking about philosophers of a kind of "second place", since thinkers of the level of Berdyaev, Shestov, and Stepan are already quite fully and comprehensively represented in the relevant literature. The author of the article believes that it is not enough to limit oneself to only historical-philosophical academic interest in turning to the work of philosophers of this era. With great attention and breadth, sometimes anew, to the ideas of thinkers of the Russian abroad, we are forced to turn to the changing socio-spiritual situation of our time. The processes of globalization, the contacts of cultures, and civilizations make their heritage extremely relevant today. A striking example of this is the work of Pyotr Bitsilli. Based on several of Bitsilli's works, and in particular on his article *Nation and Language*, the author emphasizes the specific relevance of the methodological strategy of the philosopher and historian. In addition, the author reveals another specific aspect of Bitsilli's methodology — the interdisciplinary nature of his research. It is the breadth of intellectual horizons, as well as in-depth knowledge in the field of philosophy, history, and linguistics, that distinguish Bitsilli. His work is gaining particular semantic fullness at present, when the themes of the nation, language, culture, as well as their correlation, are given new perspectives in modern socio-cultural dynamics. The author of the article suggests that hermeneutic and narrative approaches allow them to acquire specific features in the philosophical interpretations of Bitsilli.

*Keywords:* language, culture, methodology, narrative, hermeneutics, the Other, Pyotr Bitsilli.

## References

1. Galcheva, T. N. and Golubovich, I. V. (2015), "Little by little, I'm adapting myself to independent circumstances". *P. M. Bitsilli and the Florovsky Family in the Early Years of Emigration*, Sofia: Solnce Publ. (In Russian)
2. Ermichev, A. A. (2012), *The Philosophical Content of Journals of the Russian Abroad (1918-1939)*, St. Petersburg: RHGA, Vestnik Publ. (In Russian)
3. Mlechko, A. V. (2008), *Russian Text of Emigration in The Art Discourse of the Journal Modern Notes (1920-1940)*, *Izvestiya VGPU*, no. 5, pp. 137-142. (In Russian)
4. Shpet, G. G. (2005), Language and Meaning, in Shpet, G. G., *Thought and Word. Selected Works*, Moscow: ROSSPEN Publ., pp. 470-657. (In Russian)
5. Shpet, G. G. (2006), Aesthetic fragments, in Shpet, G. G. *Art as a Kind of Knowledge. Selected Works On the Philosophy of Culture*, ed. by Shchedrina, T. G., Moscow: ROSSPEN Publ., pp. 175-322. (In Russian)
6. Shchedrina, T. G. (2012), The Problem of *Expression* in Benedetto Croce, Gustav Spet and Charles Balli (in the Context of the Cultural and Historical Unity of Scientific Knowledge), *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 2, pp. 47-51. (In Russian)
7. Bitsilli, P. M. (1995), *Elements of Medieval Culture*, St. Petersburg: Mithril Publ. (In Russian)

---

\* The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University and funded by the Russian Academic Excellence Project "5-100".

8. Bitsilli, P. M. (1929), Nation and language, *Sovremennye zapiski*, no. 40, pp. 403–426. (In Russian)
9. Pruzhinin, B. I. and Shchedrina, T. G. (2019), International Philosophical Congress as a phenomenon of *Another Globalization*, *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 33–39. (In Russian)
10. Lalande, A. (1932), Correspondance Relative à Une Petition Contre L'obligation D'étudier le Grec en Médecine et en License de Philosophie, 2 janvier, in *Archives de la Sorbonne*, fond A. Lalande, ms. 2355.
11. Bitsilli, P. M. (2000), *The Tragedy of Russian Culture: Studies, Articles, Reviews*, comp., comment. by Vasilyeva, M., Moscow: Russkii put' Publ. (In Russian)
12. Weidle, V. V. (1977), Native Outland, *Novyi zhurnal*, no. 126, pp. 266–227. (In Russian)
13. Bakhtin, M. M. (1997), Language in Fiction, in Bakhtin, M. M., *Collected works*, in 7 vols., vol. 5, Moscow: Russkie slovari Publ., pp. 287–297. (In Russian)
14. Pushkin, S. N. (2013), Eurasian Thinkers as Carriers of the Traditions of Russian Culture in Europe, *Russian Abroad and the Slavic World: Collected Works*, comp. by Bunyak, P., Beograd: Slavistichesky drushtvo Srbije Publ., pp. 257–266. (In Russian)

Received: October 17, 2019

Accepted: July 2, 2020

#### Author's information:

*Irina O. Shchedrina* — PhD in Philosophy, Junior Research Fellow; echiscar@yandex.ru